

А.П. ВОРОБЕЙ

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СЕВЕРНОМ КРАЕ 1930-1931 ГОДЫ

Проблеме раскулачивания и выселения раскулаченных семей, положению спецпереселенцев и их роли в колонизации отдаленных регионов СССР был посвящен ряд работ, опубликованных как в 60-х - начале 80-х годов¹, так и в конце 80-х - первой половине 90-х годов². В последние годы появился ряд работ, где эти темы рассматривались в региональном аспекте Европейского Севера³. В целом отечественная историография накопила немалый материал о судьбе спецпереселенцев на Севере. Но до недавнего времени исследователи вынуждены были в своей работе использовать документы в основном из государственных архивов. Между тем вся полнота реальной власти в СССР (и не только в 20-30-е годы) принадлежала Политбюро и бюро региональных парткомов. Поэтому без анализа документов из партийных архивов (в особенности из т.н. «особых напок» партбюро любого уровня) невозможно адекватное восприятие процесса массового раскрепощения в 30-е годы. Привлечение подобного рода документов позво-

ляет оценить главную цель начального этапа раскулачивания и спецпереселения (1930-1931 гг.) как преднамеренное уничтожение наиболее умелой и авторитетной части крестьянства.

Решение о массовом раскулачивании было принято Политбюро 30 января 1930 г. Согласно принятому решению, все раскулачиваемые делились на три категории. К первой категории Политбюро отнесло «кулацкий актив», который надлежало «немедленно ликвидировать путем заключения в концлагерь», не останавливаясь перед применением расстрела. Объем первой категории был определен в 60 тысяч «кулаков». Ко второй категории Политбюро отнесло «кулацкий актив», подлежащий высылке «в отдаленные местности Союза ССР». Общее количество т.н. спецпереселенцев должно было составить в 1930 г. 150 тысяч «кулацких семейств». К третьей категории были отнесены прочие «кулаки», оставляемые в районах «сплошной коллективизации» на вновь отводимых землях за пределами колхозных⁴. Около половины спецпереселенцев должен был принять Северный край - административно-территориальное образование, созданное по решению Политбюро в январе 1929 г. и включившее в свой состав Архангельскую, Вологодскую и Северо-Двинскую губернии и автономную область Коми.

То, что раскулачивание нацелено не на «экспроприацию кулачества», а на физическое уничтожение зажиточного крестьянства, первый секретарь Севкрайкома ВКП(б) С.А.Бергавинов почувствовал еще во время работы комиссии Политбюро по «ликвидации кулачества» в конце января 1930 г. 27 января он пишет В.М. Молотову: «Вчера на Под'комиссии Яковлева принятые только два моих пункта о расселении кулаков. Остальные обошли, мол, «как-нибудь». Вся их работа как выселить, но не меньшая забота должна быть и о том, как доставить и расселить. С февраля месяца в Архангельск будет прибывать ежедневно 5 эшелонов, т.е. 5-7 тысяч человек, а всего 300 тысяч человек. А мы во всем Архангельском округе имеем 250 тысяч населения, и в городе 89 тысяч. Если даже мы двинем их в каждое село (а женщин и детей невозможно двинуть) и то будет затор. Следовательно, взрослых мы должны сейчас же двинуть по округу, а семьи до навигации расселить под Архангельском. Хотя для этого нужны бараки и строить их немедленно, а Комиссия об этом умолчала»⁵. Секретарь Севкрайкома явно намекал на то, что расселить в регионе огромное количество людей, превышающее население целого округа, да еще зимой, практически невозможно, и многие из выселяемых будут обречены на смерть от холода, эпидемий, вызванных невероятной скученностью, и голода из-за недостатка средств на продовольствие.

Об этом же С.А. Бергавинов сообщал и в шифровке на имя Л.М. Кагановича, предлагая: «до открытия навигации (конец мая) должны быть присланы только трудоспособные мужчины, которые в отведенных нами местах к лету подготовлиают места постоянного жительства семьями, семьи до навигации остаются на месте или ожидают [в] лагерях ОГПУ». Об этом же говориться в докладной записке Полномочного представителя ОГПУ по Северному краю Р.И. Аустрина, направленной 18 января 1930 г. начальнику СОУ ОГПУ Евдокимову: «Так как сейчас, в зимнее время, с этими [малонаселенными и необжитыми].

- А.В.] районами [куда предполагалось расселить «кулаков». - А.В.] сообщение возможно только на лошадях или пешком (расстояние по 300-1000 км), то до открытия навигации (конец мая) мы можем принять лишь трудоспособных мужчин, которые выдержат такое путешествие и должны будут подготавливать в отведенных участках жилье для пребывающих семей. Семьи же, из-за отсутствия помещений, можем принять, начиная с первых чисел июня, когда открывается навигация во все отдаленные районы». Очень коротко и ясно по этому поводу высказался С.А. Бергавинов на заседании комиссии Политбюро: «Сейчас нам нужны только мужчины, иначе зарежем /переселенцев/»⁶.

Но комиссия хотела именно зарезать «кулаков», поэтому предложения С.А. Бергавинова не были приняты во внимание. Выселение по решению Политбюро должно было проходить именно «семействами». Спецпереселенцев предлагалось использовать в «особых трудовых дружинах и колониях» на тяжелых работах, связанных с «облесением» (так в документе!), лесозаготовками, мелиоративными и дорожными работами. Согласно решению Политбюро от 30 января 1930 г., в Северный край должно было прибыть 70 тысяч «семейств» высылаемых «кулаков» 2-й категории (из 150 тысяч «семейств», отнесенных ко 2-й категории по всей стране, т.е. почти половина). К 15 апреля план высылки должен был быть осуществлен не менее чем наполовину. Таким образом, уже к середине календарной весны, когда в Северном крае еще не закончилась зима, за полтора месяца до начала навигации, регион должен был принять и разместить хотя бы во временном жилье не менее 35 тысяч «семейств» (175 тысяч «душ», как писали тогда в официальных документах). Создать хотя бы минимальные условия проживания в зимних условиях, накормить, наладить элементарное медобслуживание такой огромной массы людей было практически невозможно. Но директивы вышестоящего органа не обсуждаются, и Севкрайком ВКП(б) приступил к исполнению решения Политбюро.

Уже 31 января 1930 г. на внеочередном закрытом заседании Бюро Севкрайкома ВКП(б) принимается план расселения в крае 70000 «кулацких семейств» (350000 «душ»). Для их временного размещения предлагалось использовать монастыри, церкви, склады, а также специально построенные 1200 бараков на 200000 человек. На строительство бараков требовалось 9 млн. руб., но Москва не выделила ни одного, поэтому решено было строить бараки шалашного типа из подручных материалов⁷.

Спецпереселенцы стали усиленно прибывать в Северный край уже в феврале 1930 г. В шифровке на имя В.М. Молотова С.А. Бергавинов сообщал: «во всех эшелонах прибывает огромное количество грудных детей, немощных стариков, инвалидов, в том числе гражданской войны. К примеру, в эшелоне из Ахтарского округа из 1742 человек: мужчин - 400, женщин – 645, детей – 697, из этого количества стариков свыше 70 лет 199, а трудоспособных мужчин во всем эшелоне 211...есть немало вдов с тремя-пятью малолетними детьми»⁸. К концу апреля в Северном крае насчитывалось уже 46.261 высланная «кулацкая семья». После того, как весной 1930 г. началась борьба с «извращениями партлиний в колхозном

движении», количество спецпереселенцев на Севере практически не изменилось - за весь 1930 г. в регион было выслано 46562 «кулацких семьи» (230065 человек). План Политбюро (70000 «семейств») выполнен не был. Но так как по всей стране количество высланных составило не 150000 первоначально намеченных «семейств», а 80575 (388374 человек), то на Северный край пришлось более половины спецпереселенцев⁹.

То, что практически вся масса прибывших за весь 1930 г. спецпереселенцев находилась в крае уже к началу апреля, еще до начала навигации, создало ситуацию катастрофическую. Вот что писал об этом в своем письме от 16 апреля 1930 г. нарком внутренних дел РСФСР В. Толмачев: «Люди размещены в 750 бараках, накоря состряпанных из жердей. Теснота невероятная - есть места, где на человека приходится 1/10 кв. метра площади при постройке нар в несколько этажей (кубатура меньше гробовой). Полов в бараках нет, крыша сделана из жердей и слегка присыпана тающей и осыпающейся землей. Температура не выше четырех градусов, как правило. Вшивость. При скверном питании, а для многих при почти полном его отсутствии, все это создает колоссальную заболеваемость и такую же смертность среди детей. С наступлением полной весны (вторая половина апреля-май) земля в бараках растаст (многие стоят на болотистой почве), сверху потечет и все население их слипнется в грязный, заживо гниющий комок». В. Толмачева поразило, что «все бараки переполнены исключительно детьми, женщинами и стариками». Большинство из них оказались практически заживо погребенными. В. Толмачев сообщает в письме, что по г. Архангельску за март и десять дней апреля из 8000 детей заболело 6007 человек, из них умерло 587; по Северо-Двинскому округу на 12 апреля всего умерло 784 человека, из них 624 ребенка; по Вологодскому округу болело детей - 4850, из них умерло - 677 (в т.ч. только за 12-13 апреля умерло 162 человека). Общий процент заболеваемости среди детей - 85%. Смертность среди детей к общему количеству детей - 7-8%. Смертность среди детей к числу болевших детей от 24% (по Архангельскому округу) до 45,5% (по г. Архангельску)¹⁰.

Катастрофическим было и продовольственное положение десятков тысяч спецпереселенцев, ожидавших начала отправки на места «постоянного расселения». Первоначально, на заседании Бюро Севкрайкома ВКП(б) 31 января 1930 г., были установлены следующие нормы продснабжения на человека: «хлеба 200-300 грамм в день и в месяц 3 кг картофеля, 500 грамм крупы и 300 грамм капусты». Но в связи с тем, что «центр» не выделил продфондов для спецпереселенцев и приходилось рассчитывать только на региональные запасы, средняя норма выдачи хлеба на человека в день была снижена до 161 грамма. В действительности не выполнялась даже «бумажная» норма. Как писал В. Толмачев в письме от 16 апреля 1930 г., «до сих пор высланные питались своими продуктами, но сейчас их остается всего на несколько дней и если не будет налажено снабжение пищей, то начнется сплошная голодовка»¹¹.

Агония медленного умирания могла продолжаться для ожидавших отправки спецпереселенцев еще несколько месяцев. По «оптимистичному» прогнозу

В. Толмачева — «до конца сентября». (В докладной от 20 апреля В. Толмачев более пессимистичен: «В условиях даже наиболее полного осуществления намеченного плана есть совершенно реальная опасность оставления значительной части переселенцев в бараках на вторую зимовку... В климатических условиях Северного края это означает получение на зиму крайне тяжелых и может быть катастрофических последствий»). Спецпереселенцев практически нечем было перевозить. Как говорилось в докладной записке Севкрайисполкома от 27 марта 1930 г., « положение с тоннажем и без перевозки переселенцев было угрожающим... Ныне, с этой дополнительной нагрузкой положение становиться катастрофическим». Севкрайисполком просил дополнительный тоннаж из других речных бассейнов в количестве 17 товарно-пассажирских пароходов, 20 баксирных пароходов, 30 крытых барж. Но «центр» не дал ни одного дополнительного суденышка. Начало навигации затягивалось. Несмотря на ее полную неподготовленность, 20 мая 1930 г. Бюро Крайкома обязало партчасти Госречпароходства и Севторгфлота «в трехдневный срок приступить к перевозке «переселенцев»¹². В итоге доставка на места «постоянного расселения» происходила в переполненных судах, что только увеличивало смертность среди спецпереселенцев.

На обустройство высланных «кулаков» в Северном крае требовалось, по подсчетам Севкрайисполкома, минимум 75300000 рублей, из них местный краевой бюджет мог выделить только 1600000 рублей. Но на начало апреля 1930 г. комиссия Шмидта, занимавшаяся в Москве спецпереселенцами, отпустила только 3800000 рублей, на 21 апреля краевое отделение Госбанка получило только 300000 рублей. На начало июля 1930 г. в край поступило 3462000 рублей централизованных кредитов (вместо требуемых 73 миллионов). Всего за 1930 и 1931 годы правительство выделило на «хозяйственное освоение» спецпереселенцев 5190000 рублей, да и те, по данным УЛАГа, расходовались хзорганизациями без всякого плана и учета их рационального использования. Смехотворность сумм и крайняя неэффективность их использования ясно показывали, что спецпереселенцы фактически были брошены на произвол судьбы в «малонаселенных и необжитых районах» Северного края¹³.

Таким же мизерным, как и выделение финансовых средств, было снабжение спецпереселенцев продовольствием. Вот что сообщал об этом помощник начальника ГУЛАГа ОГПУ Белоногов в своей справке о спецпереселенцах в Северном крае от 17 июня 1931 г.: «Та рабочая сила, которая находится на лесозаготовительных работах, хлеба получает достаточно, но не выдается овощей - ни картофеля, ни капусты, предусмотренные нормой довольствия и благодаря отсутствию овощей имеется много случаев заболевания цингой в серьезной форме (опухоли ног) и люди, как рабочая сила, выбывают из строя. Плохо обстоит вопрос с довольствием больных. Установленная для спецпереселенцев норма продовольствия 400 гр. хлеба, 20 гр. крупы, 75 гр. рыбы, 195 гр. картофеля, 100 гр. капусты, 8 гр. сахара выдается не полностью. Не выдается картофель и капуста, и бывают перебои в рыбе. Дети чрезвычайно истощенные и бледные. Молочных продуктов вообще нет»¹⁴.

За формулировками о «неполной выдаче» нормы и «перебоях» в снабжении скрывался настоящий голодомор. Вот лишь несколько выдержек из справки райкоманданта Плесецкого района Буркова о «состоянии снабжения» спецпереселенцев по району от 16 марта 1933 г.:

«С/п «Сосновка» -- обнаружено 6 человек раскапывающих падших лошадей каковые пали уже месяц, облиты были карболкой, оказалось что мясо употребляли...

С/п «Глубокое» – С/пер. Бердашев Ефим 52 лет пек на огне конную кожу и ел, в данное время умер, тоже самое проделывалось с/пер. Дьяченко Марией - 54 лет.

Семьи с/пер. Лохматова И., Папина А. и Черкашина А. от голода опухли и ночью притащили из лесу в барак сдохшую лошадь для еды.

С/пос. «Ижошка», «Водопад» – два старика спецпереселенца ловят кошек и употребляют таковых в пищу.

С/пос. «Левашозеро» – Старики с/пер. на 1055 км. разъезде переловил часть собак - последних съел.

С/пос. «Белое озеро», «Волчаница», «Кобыла» – С/переселенцы разрыли закопанных в земле павших лошадей у ЛТХ и употребляли таковых в пищу...

С/пос. «Лиственница» – с/пер. Фименков Петр носил ночами дохлое мясо, варили и ел таковое...

С/пос. «Ижошка» – С/пер. Напаенко В. для употребления пищи резал кошек. Ест кошек Мочульский А. и Грицей А. и Петр.

С/пос. «Ваймуга» – 7 марта на поселке пала лошадь, с/пер. Ермыхин, Чуркин, Абрашов, Долгов и другие лошадь распилили и употребили в пищу. С/пер. Демьянин Филипп употребил в пищу кошку, выпросив на ст. Обозерская у железнодорожника, просил для того, чтобы держать, но ввиду голода съел.

С/пос. «Тегра» – На спецпоселке увеличились случаи смерти спецпереселенцев ввиду истощения, за время с 1 марта по 12 марта умерло 12 человек...

С/пос. «Падун» – Кушают опилки, трут через железо березу...

С/пос. «Водопад» 66 км. – С 25 февраля по 10 марта от 16 до 80 лет умерло 13 человек, детей от 4 до 12 лет 3 человека...

По сведениям, поступившим с поселков, имеется больных с отеками и общей слабостью: «Перекоп» – 85 человек; «Ижошка» – 51 человек; «Лиственница» – 60 человек; «Глубокое» – 40 человек; «Кяма» – 31 человек; «Белое озеро» – 10 человек; «Водопад» – 50 человек; «Пукса» – 15 человек; «Тегра» – 50 человек¹⁵.

Не лучше было снабжение спецпереселенцев и промтоварами. Так, за весь 1930 г. и семь месяцев 1931 г. на десятки тысяч высланных «кулаков» было выделено всего 2863 пары сапог. Как сообщалось в уже упоминавшемся отчете помощника начальника ГУЛАГа Белоногова, «в зимнее время отправляли на работу спецпереселенцев без теплой одежды, обуви, благодаря чему имелось масса случаев отмораживания рук и ног... В поселке Никшера Коми области из-за отсутствия одежды и обуви спецпереселенец-лесоруб Шереметов И.Г. замерз на до-

роге, идя в барак из делянки. В поселке №13 Шенкурского района, за неимением теплой одежды, обморозилось 70 человек, из которых двое умерло»¹⁶.

Строительство «спецпоселков» шло крайне медленно и не могло до зимы обеспечить людей теплым жильем и защитой от холода. На 2 августа 1930 г. из намеченных к строительству 4389 «жилых построек» было построено только 66 (1,3%). К 1 сентября 1930 г. было построено 118 «жилых построек» (2,7%). К 15 сентября было готово 154 «жилых постройки», к 5 ноября 1930 г. – 853 «жилых постройки» (19,4%). Даже на 1 марта 1931 г. в Северном крае из необходимых 2587 «жилых построек» (для «фактически завезенных в участки заселения» 103468 человек) было построено 1210 (46,7% плана), вселено в них 83609 человек (80,8%). В некоторых районах процент вселения был намного меньше (в Приморском – 6,6%, в Вислянском - 37,7%, в Визингском – 42%). Эти цифры означают, что значительное число спецпереселенцев зимой 1930-1931гг. либо вообще не имело жилья и находилось в неприспособленных местах приемки, либо провело зиму в условиях невероятной скученности¹⁷.

Ужасающие условия содержания в спецпоселках приводили к высокой заболеваемости и смертности. Как отмечалось в сводке заместителя начальника ГУЛАГа Бермана от 25 июля 1931г., заболеваемость среди детей высланных «кулацких семей» составляла 70-75%, среди взрослых – 20%. В справке о медицинско-санитарном обслуживании спецпереселенцев от 29 июля 1931 года сообщается, что смертность в Северном крае до 1 мая 1931 г. составила не менее 15% высланных «кулаков» (умерло свыше 20000 человек). Но именно это и составляло цель кампании «раскулачивания». Не случайно некий представитель администрации леспромхоза прямо заявил спецпереселенцам: «Вы сдыхать сюда и посланы»¹⁸.

Примечания

¹ Финаров А.П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР. М.,1963; Сидоров В.А. Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков // Вопросы истории. 1964. №11; Ивицкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М.,1972; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.,1975; История Советского крестьянства. М.,1986. Т.2. Гл.7.

² Данилов В.П. Коллективизация // Переписка на исторические темы.М.,1989; Документы свидетельствуют.Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации / Под ред. В.П.Данилова и Н.А. Ивицкого. М.,1989; Ивицкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.,1994; Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930-1932 гг.) // История СССР. 1989. №2; Земков В.Н. Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. №5; Его же: Судьба «кулацкой ссылки» (1930-1954) // Отечественная история. 1994. №1; Сибирские переселенцы в Западной Сибири 1930-весна 1931 гг. Новосибирск,1992; Сибирские переселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 - начало 1933 гг. Новосибирск,1993; Сибирские переселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг. Новосибирск,1994; Сибирские переселенцы в Западной Сибири. 1939-1945гг. / Отв. ред. В.П.Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск,1996 и др.

³ Шабалова Л.С. Жить, чтобы выжить (спецпереселенцы в 30-х годах в Коми АССР) // Родники пармы. Сыктывкар,1990; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930-1931 гг. Петрозаводск,1991; Воробей А.П. Хроника раскрепощения // Север. 1992. №1; Доброженко Г.Ф.

Коллективизация на Севере. 1929-1932 гг. Сыктывкар, 1994; Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1930-1931 годы // Отечественная история. 1996. №1.

⁴ «Особая папка» Политбюро за 30. 10. 1929 г. 12. 07. 1930 г. Л.65-66.

⁵ Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области (далее - ГАОПДФ). Ф. 290. Оп.1. Д.386. Л.6

⁶ Там же. Л.24, 25 об.

⁷ Там же. Д.378. Л.11, 317.

⁸ Там же. Д.387. Л.9.

⁹ Там же. Д.379. Л.88; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее - РЦХИДНИ). Ф.17. Оп. 120. Д. 52. Л.20.

¹⁰ ГАОПДФ. Ф. 290. Оп.1. Д.386. Л.97-99.

¹¹ Там же. Л.98; Д.378. Л12. Д.388. Л.61, 68.

¹² Там же. Д.379. Л.19-20, 76, 90, 99.

¹³ Там же. Л.29; Д.388. Л.59; Д.380. Л.107.

¹⁴ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.52. Л.33.

¹⁵ ГАОПДР. Ф.290. Оп. I. Д. 1409. Л.116-117.

¹⁶ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.52. Л.32, 35-36.

¹⁷ ГАОПДР. Ф.290. Оп.1. Д.426. Л.114, 180.

¹⁸ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.26. Л.200, 204; Д.52. Л. 119.